

СПЕЦИАЛЬНЫЙ

1939

К. 0296

Цена 20 коп.

ГАВРИЛО

№ 18. Сентябрь, 1925 г. Издание газеты „Пролетарий“—орган вуспс. Адрес редакции: Пушкинская, 31.

Центральная Научная
учебная библиотека

— Что это вы, Нетудыкин, во фрак вырядились?
— Праздный вопрос! Номер ведь посвящен улучшению продукции, вот я и решил с себя начать...

10 60

Продукция, которую можно не улучшать.

Одна из обыкновенных историй.

Не редки случаи, когда заводы выпускают на рынок машины, приготовленные из недоброкачественного материала и в свое время забракованные. Виновных не всегда удается обнаружить.

(из газет)

Завод работает полным ходом.

Сырьем пополнился завод.
В цеха народ идет проворно—
По специальностям. И вот
Уж пышет пламя в пасти горна.

Под гулкий звон вздыхает мех.
Кует кузнец, в пылу охоты,
Чтоб передать в токарный цех
Плоды мучительной работы.

Жужжат шмелями шестерни,
Пассы лопочут — шорох лисий —
Как ни стараются они, —
Не оторвутся от трансмиссий.

Стальной резец воззился в вал,
Но вал несколько не в обиде:
Болванку, что кузнец ковал,
Нельзя узнать в готовом виде...

В конторе некто „шелестит“:
„Зубчатка-ль, колесо-ли, шина,
И даже винтик, — все блестят!
Извольте — новая машина!“

„Отношение“ на отношение к делу.

Потратив все силы в „труде“,
Директор — солидная лысина —
Читает бумажечку, где
По белому черным написано:

„Какой дурак подобный брак
Решился выпустить с завода?“
Краснеет лысина, как рак,
А мысли — в поисках отвода...

Как будто в темя — кирпичем!
В глазах довольно темновато.
— Дурак? А я то здесь при чем?
Тут... „Паулина виновата“.

Я-ль на себя вину возьму?
А все-ж попорчено добра то...
Иван кивает на Кузьму,
Кузьма кивает на Игната.

Игнат на Павла. Гнет в дугу
Один другого. Чуть не драка...
А как избавиться от брака,
Никто об этом — ни гу-гу.

НУМА

Мыслишки.

— Не всякий „фрукт“ — продукт, тем более улучшать его нет надобности.

— Делая из мухи слона, не думай, что улучшаешь продукцию.

— Хорошая продукция бросается в глаза, а плохая — в голову.

Т.

Завет.

Сапог ли, жесть, пробой с кольцом.
Гвоздь, трактор, сани ли пошевные, —
Товар выкладывай лицом,
Оборотись лицом к деревне.

М. С.

Тех же щей...

Знакомы мы с кооп-грехами:
Завелся коль товар с „душком“,
При обороте при таком
Уж лучше торговать... духами.

МИХС.

О продукции вообще и о моей в частности.

Вы говорите—продукция; улучшайте, мол, такое. А если не везет? Вот, примерно, один. Делал соломорезки, делал, а они ни в работу. Вы скажете: инженер, а по моему: не было. Бывает же так: делаешь сеялку, а дуешь о веялке. Планида!

Да вот хотя-бы меня взять: надо писать о продукции, а меня на купальный рассказ позывали. Хоть плачь! Ну, думаю, без посторонней помощи здесь не обойдется. Пошел к хозяйке; поговорил с ней в кубанских отношениях, но не помогло.

Здравствуйте, говорю, Никитишна. Как ваше дело с продукцией?

Как себе, — отвечает. Вчера в вот в кипятильнике яиц купила, а все тухлое. Никудаш-продукция“.

Ах, кажется, не то, думаю и завернул к моему рабфактовцу. Василь дел у окна и грыз что-то вроде гранита.

— Ну как у вас, во-вторых? — спрашиваю.

Ни хрена, — отвечает. Ну сухарь, да не изучаю; оно и не знает будто мясное, а ешь“.

А говорю, бывает. Как вы, медики, продукцию смотрите? Очень, бубнит, откровенно. Возьмите, например: я эту рубашку, почитай, и трех лет не ношу, а уж и пошлой, ажур полуживой. Продукция, как видите, за ногу!“

Васьки зашел я в магазин из четырнадцати, что на Благбазе, и фактурой занимаюсь. „Ну как, Тит Еремов, спрашиваю, на продукцию у вас?“ — Превосходно, говорят. Такие нынче мате-риалы пошли, что и в

мирное время не сыщешь. Сукно, что надо, ситец—музыка! Вам не угодно—ли?“

Вышел я, а в голове—каша гречневая: ни гвоздя не пойму! Один так, другой эдак... Беда! Побегал в редакцию.

Граждане, говорю, братишечки! Нельзя-ли так сделать: я вам сейчас—купальное, а к купальному номерку, бог даст, и о продукции что-нибудь набейте... Куда там: прямо на-смех!

Нет, граждане, не могу я в соломорезочного инженера камня бросить: сам грешен.

Гарри-Бальди.

Во образе предков.

По постановлению Ц. К. союза Нарпит иностранные названия кушаний заменены русскими.
(Из газет).

— Что такое? Мне доктор прописал суа-крембутон д'Англе, а вы мне даете щи?

— Будьте покойны. От этого переименования качество ничуть не пострадало.

„СМЫЧКА“.

Крестьяне Херсонщины жалуются на то, что под торжественным именем „смычка“ продают операции никуда негодный ситец по 55 коп. Они приложили этикетку, на которой выведено „смычка“.

— Что это у вас за „смычка“, раз ситец ваш в руках ползет?

— Сказывали-же тебе, отец, что ситец этот машинный, а не ручной, так руками не замай...

От нее все качества.

— Эх, братцы, всякое бывало. Попили мы винца с хлебом. И хотя история эта с упомянутым ни в каких интимных отношениях не состоит, а молчать не могу. Вопрос уж больно серьезный насчет продукции... Ваше здоровье, братишки!.. Кхм. Вот это продукция, так да. Что надо.

На заводе механическом это случилось. По случаю нового лозунга с улучшением качества, собрание у нас было. Даже сам директор прибыл. Мы ахнули и выбрали его председателем.

Вышел на сцену докладчик присланный и давай докладывать. Мол, продукция наша ни под какую критику не подходит. Одним словом, понял я из того, что он докладывал, что государство на нас докладывает. И нас по карману бьет: завод через это закрыться может. И так говорил он, говорил, сразу было видать, что за словом в карман не полезет, чего о наших ребятах сказать нельзя: некоторые разжалобились и полезли в карман... за платками... Ваше здоровье!..

Кончил он доклад, и директор спрашивает:

— Вопросы имеются?

Я и вышел.

— Имеются, — говорю. — Почему не все стекла в цеху вставлены? Почему крыша протекает, спецодежды на всех нет и инструмент хождение по рукам имеет — в очередь.

А директор даже обиделся.

— Вы — говорит — товарищ, зачем пустяками лезете? Вам лишь бы тереть. Поменьше — говорит — внимания на мелочи обращайтесь. Интересы государства выше всего. А мелочи эти — никуда не годятся. А мелочи эти — никуда не устраним.

И братва вся на меня накинута. Ну, думаю и впрямь я сморозил.

— Извиняйте — говорю — а вопрос я с повестки дня снимаю... Ваше здоровье!..

Что зря волынить? Постановили — клад принять полностью и не труб... Да... А на трубы эти заказ получился. В нашем цеху чивали их. Поняли все важность та. Работают с вниманием и без оглядки. А я даже пить думал бросить... Братишки!.. Да. Но раздумал. С дождь каплет, в окно задувает, а инструмент — из рук вон. То-есть, один у другого. А я хожу и по ваюсь. Мол, затюкали на собрание а теперь...

Заходит директор.

— Улучшае? — спрашивает.

Я и вышел.

— Улучшаем—говорю. — Только вот эта, опять же, крыша...

А он и слушать не хочет.

— Улучшайте—говорит— не торопитесь, чтобы краснеть за вас не пришлось. Над вами не каплет.

— Как,—говорю,—в том то и дело, каплет. Даже протекает иногда.

Махнул директор рукой и покатился с дивана.

Выполнили мы заказ... Ваше здоровье!.. Прошло недели две. Вдруг—сообщение. И директор. Как начал он нас успокаивать. И так и этак. Заказ, говорит, переделок не предвидится, государственству убытку не будет, а даже наоборот. И вам, говорит, краснеть не придется. Спасибо—говорит.

Говорил он еще часа два. Вспотел. Потом сел, выпил сряду 3 стакана и спрашивает:

Вопросы имеются?.. Ваше, братишка!

И вышел. Даже полез... на сцену.

— Есть—говорю—вопрос. Почему—говорю—крыши на всех не хватает,

опять же стекло течет, спецодежда из рук рвется и инструмент не вставлен...

Вскочил директор, затрясся и за голову схватился. А голова то моя оказалась. Трясется он и голову мою трясет.

— А вы—говорит—товарищ, где были? Давным давно все недостатки устранены. Вы меня—говорит—в гроб вашей крышей и спецодеждой вгоните!

И в обморок безчувственный брякнулся.

Отпоили его... Ваше здоровье... А меня уволили. Вот она, правда. А кабы не я, разве-ж улучшили бы продукцию? Кишка у них тонка. Без понятия люди. Нет, что ни говорите, а ежели котелок у кого плохо варит—беда: никакой от него пользы в государственном масштабе... Ваше, бра... Туз.

ВНУК КОЗЬМЫ ПРУТКОВА О КАЧЕСТВЕ.

Не всегда товар, лежащий на верхней полке, высокого качества.

От плохого качества все качества.

Доброкачественный товар большое зло, когда за него берут большую цену.

Хорошая продукция.

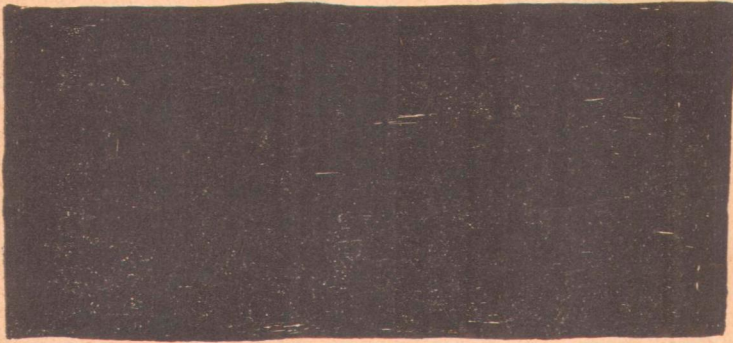
Плохая продукция.

А результат один.

„СВЕТ“ ШАХТЕРА.

Шахтерские лампы, выпущенные заводом „Свет Шахтера“, оказались никуда не годными. (Из газет).

— Не знаете ли вы, что это за темное пятно?

— А это—шахта во время кипучей работы, освещаемая по рецепту завода „Свет шахтера“.

За правду.

— Воля ваша, гражданин директор, а какой же это супруг, ежели чуть што—прямо по мордасам фенделит.

— Кто ж это?

— Да слесарь, Филька Хоругва. И такой подлец—прямо в челюсть норовит. Ему, конечно ничего, а у меня, может, обе челюсти испорченные. А спросите, за што?—Как же, правды не стерпел... Изберитатель он у меня. Все какие-то газ-дегенераты придумывает. „Я—говорит—до техники сызмалу привержон, и в голову, как на зло, идеалы разные бросаются. И действительно,—говорит,—мельница у нас старенькая, а продукция опять же требуется. Как тут быть?—Очень даже просто: Тут—говорит—нужна механизация посредством электрификации“.

А мне што? Его ж, антихриста, жалко.

— Брось, говорю, Филька, голову дурить. Подумаешь, анжинер какой! Только и славы, что пол уха отгрызено, а туда ж прешься!

Словом, я ему, идолу, резоны всякие, а он все одно свое долбит.

Ладно. Сделал он на той неделе машинку такую. Дрянь машинка: финтики-винтики, дырочки, веревочки там разные. Моделей прозываются. Глянула я—тьфу! И за чем человек время убивает? А он ходит, будто очумел, и кругом модели в ладошки хлопает. И то б ничего, а то взял моду: ги-ги! да ги-ги!

— На кого,—спрашиваю,—ты тут гикаешь? За кобылой, што-ли гоняешься?

— Не твое,—грит,—дело. Это так... к слову пришлось.

— То-есть как.—кричу,—не мое? Ты мне супруг, али кто?

— Кто-б ни был—говорит,—а под рукой не вертись, потому модель—дело общественное и все равно, как партийная директива. Опять

же,—говорит,—насчет качества декрет не вышел.

— А-а!—говорю.—Вот ты какой? Де там занимаешься, а до жены и делов нет.

А сама, конечно, в мадель пальцем

— Это что,—кричу,—такое?

— Это,—грит,—дезель, мотор такой.

— На кой ляд,—говорю,—в хате

— А это,—говорит,—для магнетизму. то-есть, крутится, а полюсы и соединяет. Чирк—и готово! Поняла?

— У-у!—говорю.—Чиркнуть бы тебя за гривку, небось бы живо дурь выскочила. где такое видано-а? Другие, которые интилимые, придут жену в ручку целуют и за садятся по-христианскому. После там, в гаки играют, либо в кинатографы ходють... Эта дубина, чуть припрется домой—плюх за стену ну чавкать, как лошак. Даже при детях пристойно. После—вытер усы и побег—ча деле гайки крутить. Долго, спрашиваю—бу жисть мою комплиментировать?

— Не серчай,—говорит,—потому ты сакорня сути не понимаешь. Ты, мол, глянь модель: тут вон ситечки, там вон ящички, мука двухнолька, там трехнолька и тому подобное. Поняла?

— Ничего,—говорю,—поймешь и ты тебе покажу! Встряпаю завтра ноль на первом, да ноль на второе, а тремя нулями на заподавишься! Я тебя, бизонт африканский, изведу!

А сама, то-есть, хвать модель да об земж-жиг!..

Ох, кабы знала, лучше б рук не поднимала. И до чего у его, дьявола, рука хлесткая! какую продукцию на скуле произвел. А спрос за што? Как-же, правды не стерпел!

Эско.

Не портящийся товар.

(Из рыночного быта)

Бабушка Ненила
Купала мыло:
— Дешево да гнило,
Дорого да мило.

— Мы,—сказал Вавила,
Знать сохранили.
Ты, бабка, выла,
В мыле гнили.

Мыло у нас мило,
Дороговато:

Жинка харю мыла,—
Пена, быдто вата.

Дождик—мелкой крупкой...
Экая грязина!
Бабушка с покупкой—
В рысь из магазина.

Радостно вздохнула:
Мыльце то для сына.
Дома развернула,
А в обертке... глина!

МИХЕЙ.

ПОСЛОВИЦЫ К МЕСТУ.

Мал золотник да дорог,—сказал торговец,
Когда его оштрафовали за употребление старых мер
меса: фунта и золотников.

Не все то золото, что блестит,—
Потешил себя гражданин, когда ему сказали, что
попался на удочку, купив у „фармазонов“ фаль-
шивые бриллианты.

В КООПЕРАТИВЕ.

— Что вы мне царский двугривенный
считаете?! Давайте советский!

— Да ведь в нем то же количе-
ство копеек.

— Теперь нужно качество, а не
количество.

Про качество.

Заливался соловьем приказчик:
— Эт-та ситец, ситцам всем образчик,
Хоть платочки шей с него для носу,
Никогда ему не будет сносу...
Сшила тетка кофточку из ситца.
Пару лет бы кофте той носиться,—
Расползлась бумагой папиросной.
Ситец этот был и впрямь *несносный*.

Вл С.

НЕКТО.

Среди молочниц.

— Молоко твое, Матрена, сегодня больно жидковато, прямо не молоко, а молочишко.

— Не беда, сойдет. Зато от этого молочишка будет детишкам „на молочишко“.

— Что ж это ты, Марья, всегда бавляла молоко ведро на ведро, а сейчас только полведро воды налила!

— А это я специально для специального номера „Гаврилы“ улучшаю качество за счет количества. Когданибудь да

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕХНИКА.

В связи с борьбой с алкогольной контрабандой в Америке, в неприступных гористых местностях Флориды и Мэриленда открыты самогонные заводы, оборудованные по последнему слову техники. Во одном из них стоит выдающийся америк. химик проф. Стиглия. Продукты для самогона, а также готовые самогон доставляют и вывозят на аэропланах. (Смотри рис. на след. стр. внизу.)

О хлебе насущном.

Много фельетонов написано о скверном кооперативном хлебе. К сожалению, „воз и ныне там.“ Качество хлеба не улучшается. Ежедневно в редакцию „Гаврило“ поступают многочисленные заметки с жалобой на хлеб с премией. Хлеб выпекается сырым, грязным, с тараканами и даже с мышами.

Друг ситный безнадежно плох,
Он начинен шурум-бурумом.
Ведь, муху, скажем, или блох
Отнюдь нельзя сравнить с
изюмом.

Мы «улучшенью» не враги,
Но кажется преступно-глупым
Сравнить... ну, с мясом пироги
И... каравай с мышиним трупом.

Какой, скажите нам, герой
Сказал бы, пекарям в угоду:
— Отлично, ежли хлеб сырой,—
Не надо тратиться на воду.

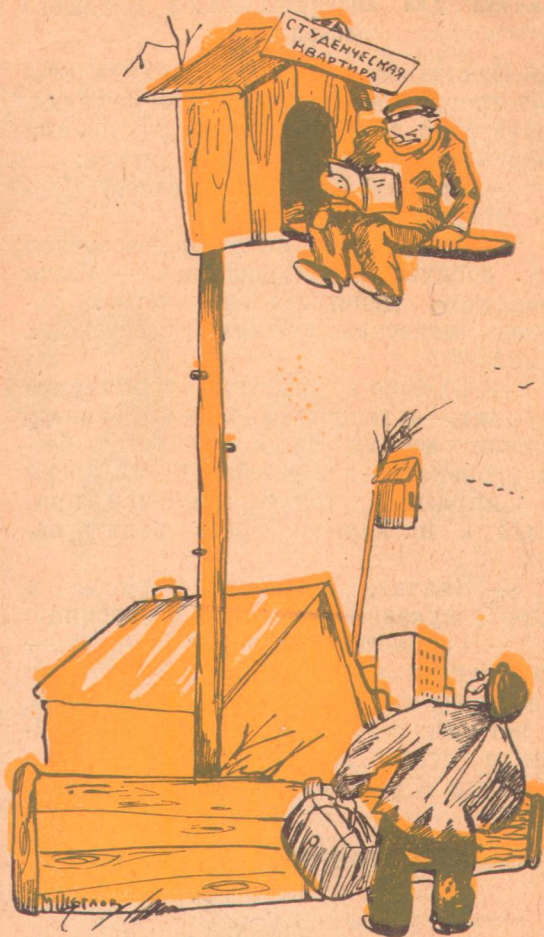
И кто, прельстясь таким уклоном,
Без дум и без усмешки злой,
Назвал бы черный хлеб — „слоен-
ным“,

На нем увидев грязи слой.

Быть может, вывод и нелеп,
Но подтверждаем это все мы:
Недоброкачественный хлеб...
Питателен... лишь в виде темы.

Гавриловцы.

Сортом похуже.

— Саша, на тебя за незаконное вы-
селение скворцы в гороткомхоз жалуются.

Снаружи шик, а внутри—пшик.

Обувь, которая продается на толкучках, самого плохого качества, но всегда ярко начищена, чтобы скрыть недостатки. Жертвами этого обмана обыкновенно являются крестьяне.

Подошва, верх—не без из'янца,
А, попросту сказать,—дерьмо.
Но слепнет мужичок от глянца.
Как будто перед ним трюмо.
Уж тут карманы береги! —
Гляди на лоск и думай: „брошу!“,
Чтоб, покупая сапоги,
Не сесть в блестящую галошу!

САЗАН.

— А все же, Михеич, наша продукция
мысле градусов американской не уступит.

Обыкновенная история.

(Сказка для хозяйственников младшего возраста).

Пом замзава какого-то захудаленького треста, Семен Онуфриевич Затычка, прочитав речь Троцкого об улучшении продукции, безапелляционно изрек:

— Ерунда! Сгущение красок! Преувеличение на 75%. Вздор!

— А по-моему не вздор, — возразил ему сослуживец Поддевкин. — Наша продукция действительно того... Коробка шведская, спичка советская... помните?

— То было в двадцатом — огрызнулся Затычка, — а теперь мы, хозяйственники, изжили разруху. Наша продукция безукоризнена и если у тебя в ВСНХ двери не запираются, так ты крючки приделай, а на нашего брата пенять нечего.

— Значит, сгущение красок и вздор? — лукаво усмехнулся Поддевкин.

— Разумеется, — ответил Затычка. — Эти обвинения сшиты белыми нитками и если вы хотите проверить мои слова, то вот вам: сегодня после службы пойдем и купим кое-что. Я как раз еду в отпуск и решим, как следует.

Всесторонний подход.

— По качеству-то кость, пожалуй, европейская, а бульенчика то из нее, к сожалению, не сварить.

После занятий приятели по магазинам. Затычка, захлебываясь, хваливал каждую, поданную ему, и покупал, почти не рассматривая.

— Взгляните на эти брюки — рил он Поддевкину, — ведь это же Красота! А толстовка? А дорожные модан? Ботинки, зонтик? Превышей марки! — и, интимно подведываящему магазином, добравшись до ботинок, в шутку по мере можем понять это. Не прав?

После отпуска приятели снова встретились.

— Это возмутительно! — протестовал Поддевкин, — Затычка, пожимая Поддевкину руку. Брюки, которые мы с вами купили, к чорту не годятся.

— Но ведь вы были от них в восторге? — с ехидничал Поддевкин.

— От них — да, но в них — я в чаении, — уныло скаламбурил Затычка.

— Кроме того, — безжалостно продолжал Поддевкин, — вы даже на танцах их музыкой.

— Да, но эти музыкальные лопнули следующим же вечером громким треском, что разбудили даже соседей.

— Сгущение красок, — усмехнулся Поддевкин.

— Наоборот, краски были, верно, разрезаны и брюки выцвели, как толстовка еще хуже...

— Сшито белыми нитками! — возразил Поддевкин.

— Если бы белыми! — чуть не закричал Затычка, — а то черными. Толстовка и черными нитками! А она разлезлась на мне, как решето.

— Преувеличено на 75%, — возразил Поддевкин.

— А если толстовкой сейчас же, — выдохнул Затычка, — тогда Затычка. Затем чмокнул. У чмокающего оторвалась ручка и отскочил замок, зонтик потрескался и не раскрывается, ботинки разлезлись по швам...

— Неужели? — радостно изумился Поддевкин. — А мне говорили, что продукция первый сорт.

— Какой дурак вам это сказал? — набросился на приятеля Затычка. — Какой идиот мог это сказать? Какой? Затем, что-то вспомнив, он встал, ушел и быстро выскользнул в соседнюю комнату.

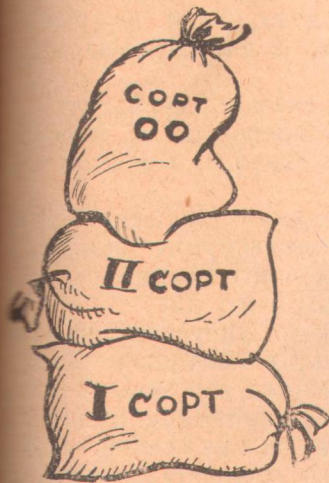
Поддевкин смотрел ему вслед и громко торжествующе хохотал.

Сергей Чмелев

МУЗЕЙ ГАВРИЛЫ.

Тоже продукция.

Извините, дорогие товарищи, мы такую нужную теперь муку, как мешки, заняли не муку, а под мат. Даже пограм разместили. А как же сортировать такую продукцию, когда дело происходит на

Харьков - сортировочная. Улучшает там эту продукцию. Ругаются дежурные, ругаются конторщики, ругаются предочники, одним словом, все, кому не лень. Еще бы! разве можно? Вель лень — это всех пороков. А мат очевидно, по мнению этой братвы, порок.

А мы вот берем на себя смелость утверждать, что мат не только порок, но и большое зло. Такую продукцию не только улучшать не нужно, но вообще ее не нужно. Слышите ли вы, „сортировщики“?

Тараканье засилье.

Шапки, товарищи, долой! Пред вами жертва улучшения хлебной продукции — таракан,

записи актов тараканьего состояния. Не все же думать об „улучшении“ хлебной продукции.

Под знаком вопроса.

Есть в Славянске госмельница Укрмута „ОР“, а на этой мельнице зав...

Опять о завах,—скажут читатели... Да, опять. Ничего не поделаешь. Приходится.

Фамилия этого зава Мезинцев, Н. Ф. Задумал он поехать в Крым лечиться. А, как известно, для этого нужны деньги. И вот—

„Согласно распоряжения Артемьевской Райконторы Укрмута получил он на лечение в предприятии 234 рубля, жалование за полтора месяца вперед 235 рублей, авансом вперед 50 руб. Но это еще не все. Ужился Мезинцев по личному заявлению получить еще из стражкассы 144 руб. Итого 663 руб. Вот и все.

Позвольте, скажет читатель, ведь этот номер журнала посвящен исключительно вопросу улучшения продукции. Причем же здесь этот зав. Мезинцев?

Конечно, не при чем. Направляется лишь один вопрос: улучшится ли от такого „лечения“ продукция на мельнице? Вот этот вопрос мы и изобразили на рисунке.

О языке.

Дорогие товарищи! Мы не только за хорошую продукцию. Мы также за хорошее отношение к рабочим. А в Запорожьи, в столовой Нарпита при зав. „Коммунар“ (тот самый, который соломорезки негодные выпустил) этого не видно.

Если рабочий жалуется на качество обеда, уполномоченный отвечает: „Лопай, что дают, а то и этого не будет“.

Что дают рабочим, это они знают, а чего не дают это мы знаем. Например, языка. Вот художник и изобразил его.

Отказался лишь гарнир изобразить, и вот почему. А вдруг это язык уполномоченного? Как тогда гарнир изобразишь, ежели он словесный?

Остается сказать этому упал-намоченному: — Прикуси, брат, язык. Лопай, что дают, а то и этого не будет. А качество обеда пусть улучшают друи!

Негодный канат.

На рисунке руки, а на руках—пальцы. Те самые пальцы, сквозь которые смотрит на улучшение продукции администрация Одесского 2-го канатного завода. Металлические канаты, которые в прошлом году были сделаны этим заводом для Брянского рудоуправления оказались негодными: вместо полтора лет, проработали полтора дня. А недавно там же, в шахте 1-бис после двух не-

дель работы снова оборвались канаты одесского завода.

Вот так руки! Из-за таких рук шахтеры ноги рискуют протянуть. Перебить такие руки надо.

Сапоги и каша.

Не угодил ли, горшок. А в горшке каша. Как это ни странно, а эта каша имеет отноше-

ние к церабнооповским сапогам. Редакция наша неоднократно получала жалобы от рабочих на плохое качество обуви, приобретаемой ими в магазинах Церабноопа.

— Ноюишь неделю сапоги, а на вторую они каши просят. Вот и ходи в них.

Куда пойдешь? Кому скажешь? И действительно. Куда пойдешь в таких сапогах, ежели они рты разевают, каши просят? Улучшать надо обувь, церабнооповцы. В такой обуви рабочие далеко не уйдут. Во всяком случае, не дальше ваших магазинов, где потребуют от вас во чтобы то ни стало улучшения продукции.

Один из многих, павших на своем посту, в отделении 13 пекарни Церабноопа, Старо-Московская, 33. Столько их там тараканов, что углы и стены полны мушкетерами. И никто не решается нарушить тараканье благополучие. Гибнут они только падая на горячий хлеб, а иногда в кадку с дрожжами. Но это не помогает, так как рождение превышает смертность.

Иначе и быть не может. Поэтому что в этой пекарне не только хлеб на дрожжах, но и тараканы—на дрожжах.

Рекомендуем администрации пекарни завести книгу для

Веская причина.

У Твердохватова на все своя точка зрения. Причисляет он себя к категории людей, которые оригинально мыслят. О любой вещи, принадлежащей к числу общепринятых, он всегда отзывается так:

— Никак это мне не нравится!

Не понравился ему, между прочим, и лозунг „лицом к селу“.

— Праздное занятие, — говорил он. — Как это я стану лицом к селу? Сколько же я так стоять могу? От этого ведь моя работа на службе страдать будет. Если все сознательные граждане будут стоять лицом к селу, вся жизнь союзная остановится... Тоже выдумают!

И когда началась кампания по улучшению качества продукции, Твердохватов очень возмутился. И вот почему.

Был у Твердохватова приятель Малиюкин, сослуживец. Парень тихий, честный, чужой копейки никогда не трогал. И вдруг перемена в нем произошла: тронул. И не копейку, а целых 740 рублей подотчетных денег. В Казино слу-

чайно оставил.

Поведал он об этом Твердохватов. Тот в ужас пришел.

— Значит, ты самый настоящий стратчик есть! Под суд тебя, сука сына, отдать надо! Опозорил ты меня окончательно.

Заплакал Малиюкин.

— Не губи меня, Ваня, не рассказывай. Дай сроку 2 дня. Покрою я страту.

— Ладно! — сказал Твердохватов. — Я подожду. Не покроешь, я тебя покрою и под суд отдам. С тем и до свиданья!

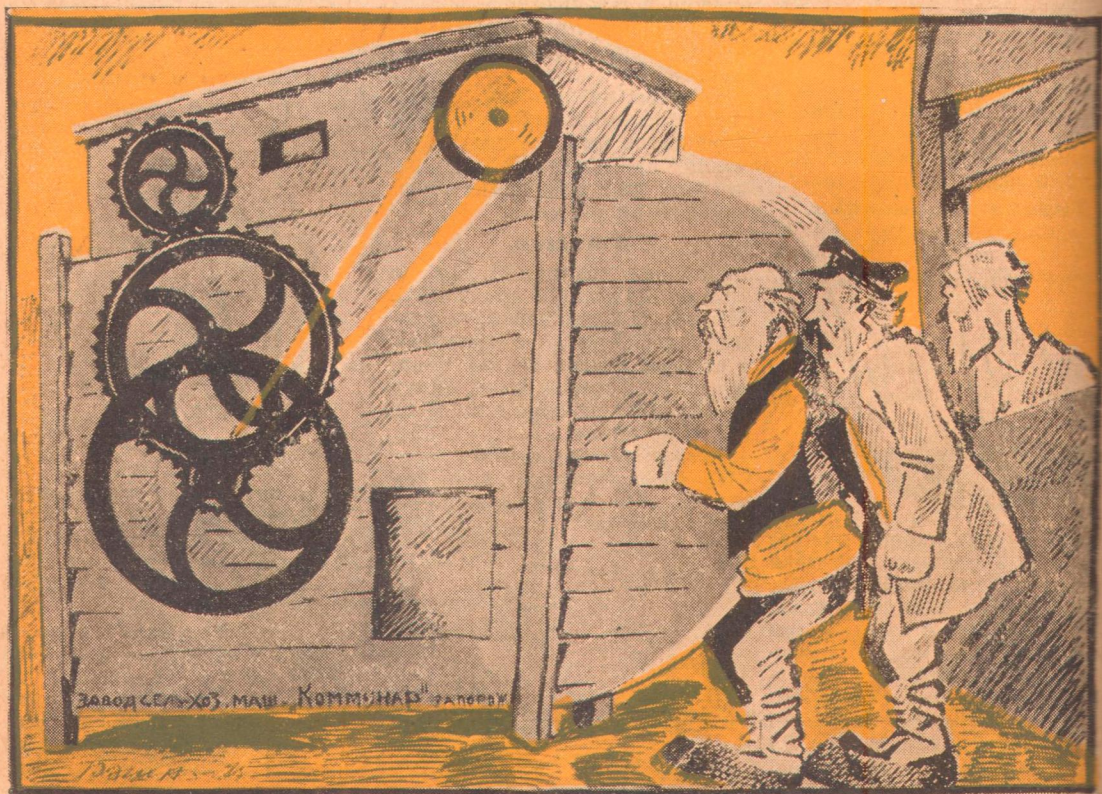
Подумал — подумал Малиюкин, видя нет выхода. Где такую сумму достанешь!

И решил покончить всякие счета молодой жизнью. Долго ли?

Достал на кухне уксусной эссенции и выпил. Результат получился неожиданный: расстройство желудка со всеми вытекающими последствиями. Видит Малиюкин, что жив он, не помер. Опять заплакал. Жалко себя стало. Схватил он тогда столовый нож и двинул себя в то место, где сердцу быть полагается.

Хитрая машина.

Завод сел.-хоз. машин „Коммунар“ (Запорожье) выслал в Белоруссию 500 соломорезок, оказавшихся негодными.

— Что это за диковина. Игнат? Крутится, вертится, шуму много, а толку никакого...

— А это, брат, машина системы завода „Коммунар“, специально для выделывания смычки города с селом.

Две точки зрения.

Сломался нож, на ребро наткнулся. Хотя легкая рана получилась, но разве не помрешь?

Плюнул Малюкин на это дело. Купил большой гвоздь, веревку, взял скамеечку и поплелся в план. Начал он вбивать гвоздь в стену, — повеситься решил, — а гвоздь возьми да согнись.

Выругался Малюкин предпоследними словами.

— Ну и продукция у нас! Даже покончить жизнь через ее средство нельзя порядочному растратчику.

Пошел тогда Малюкин на чердак, любил себе бабочку, — верное, мол, дело, — надел веревочную петлю на шею и, оттолкнув ногой скамеечку, решил, что повиснет новаторски и прочно, во веки веков, живи! А веревка не выдержала и оборвалась. Грохнулся Малюкин — и головой в трубу. Даже сознание потерял. Тут же и подобрал Твердохватов, и в больницу свез. А как узнал он от самого Малюкина все подробности, в ярость большую пришел.

— Сукин ты сын, а не гражданин республики! От сурового наказания хотел уклониться?! Хорошо еще, что так вышло. Кабы все орудия самоубийства были настоящего качества, ушел бы ты, голоч, от суда. Как пить дать! Этак и те растратчики от суда укрываться будут. Как же тогда революционная законность восторжествует?

И заявил Твердохватов о растрате, куда надо.

С тех пор Малюкин и сидит, где надо, а Твердохватов — против всякого улучшения качества продукции.

Помпилий.

— Вам бы, тетенька, тоже пора улучшить качество своей продукции.

— Да что ты, родимый, продукция эта ведь куриная. Моя вон там с барышней разговаривает.

Верх наивности.

Зашел один гражданин в кооперативную лавку.

— Дайте мне, — говорит, — сыру.

Показал ему приказчик сыр.

Понюхал гражданин сыр и говорит:

— А у вас, — говорит, — товар-то с душком.

— Помилуйте, — отвечает приказчик, — сыр настоящий... со слезой!

— Э, батенька, меня не проведешь, — говорит покупатель, — Москва, батенька, слезам не верит.

И ушел гражданин в частную лавку.

А там ему всучили сыр с червями.

— Ничего, — утешал себя хитрый гражданин, — вот тут действительно сыр со слезой, потому в сыром месте всегда черви разводятся.

Он-же.

КАЧЕСТВО

„Наши докладчики готовы в любой момент говорить о чем угодно, даже не заглядывая в газеты“.

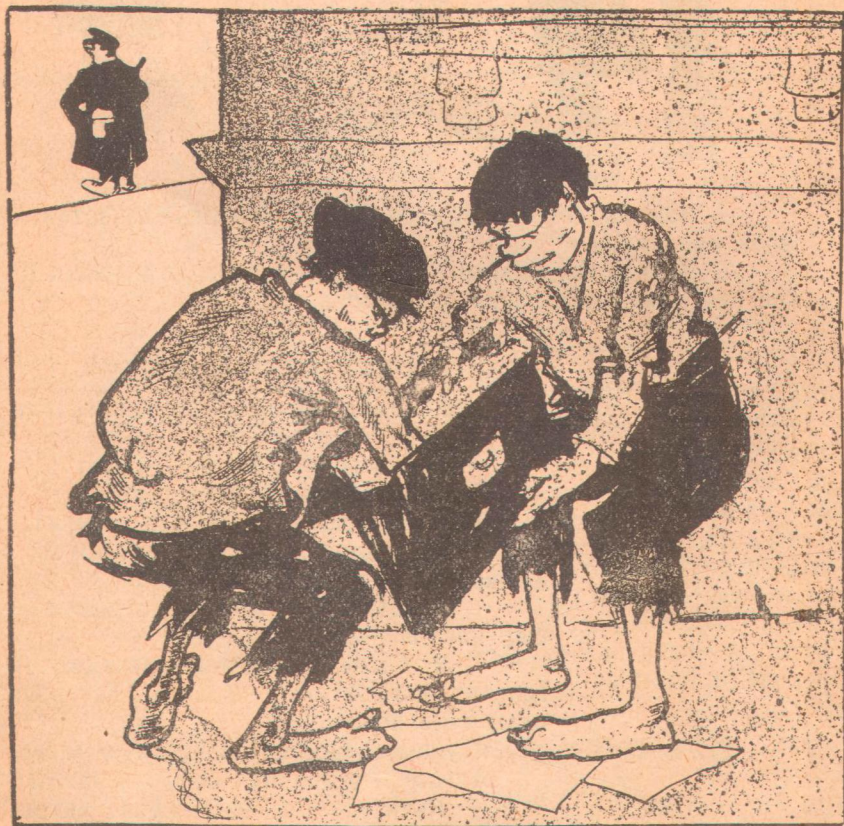
(„Раб. Неделя“).

Сидим это мы на производственном совещании, доклада ожидаем насчет повышения качества. Действительно, выходит гастролер из центра, тонкий, в очках, а портфель толще его. Докладает про завод и про цех наш всего больше. Гладко говорит, спору нет, да непонятно чегой-то.

— Так что, товарищи, понижение брака дает в то же время повышение качества. А потому, нужно пропагандировать за „качество“.

И так тот гастролер часа три нам пропагандировал, аж упрели мы, да и сам он не меньше того. А потом давай убивать числами. А громадные числа у него, и где он их только понабирал, чорт его знает. Глушит ими так, что уж сил нет выдержать, совсем заморил. И вдруг говорит:

Плохие времена.

— Вот еще черти! Говорят: качество, качество, а тут на тебе! Раньше, сопрешь кошелек и в ем денег хоть куды, а тут бандура в два пуда, и одна бумага.

— Теперь вам то качество ясно на ладони. Все дело в ткацкой и в станке № 474. А нет-ли тут товарища, который на нем работает?

Взволновался я, сознаюсь, не потому он про мой-то станок и вал. Вот тебе на, думаю. А в дело, не пойму. Может, он чего затеял, да с подвохом подходит. С трудом человек, не фунт изюму, а партийный. Соседи меня подталкивают, ну, я возьми и подымись.

— Мой, говорю—станок № 474. Вот и все. Чего уж скрывать? Сознательно сказал и в пот меня бросило.

с ехидной улыбкой:

— Ваш? Очень даже приятно. Сидишь же вы, говорит, за него.

Ну, думаю, плохо дело — молчок. Намекать или еще чего. Но молчу и виду не показываю. А не стесает.

— Так что, пожалуй, премируйте вашу, — говорит, — работу, потому что вы вывели ваш станок на „качество“.

И чего, думаю, к станку моему взялся? Качество его, действительно

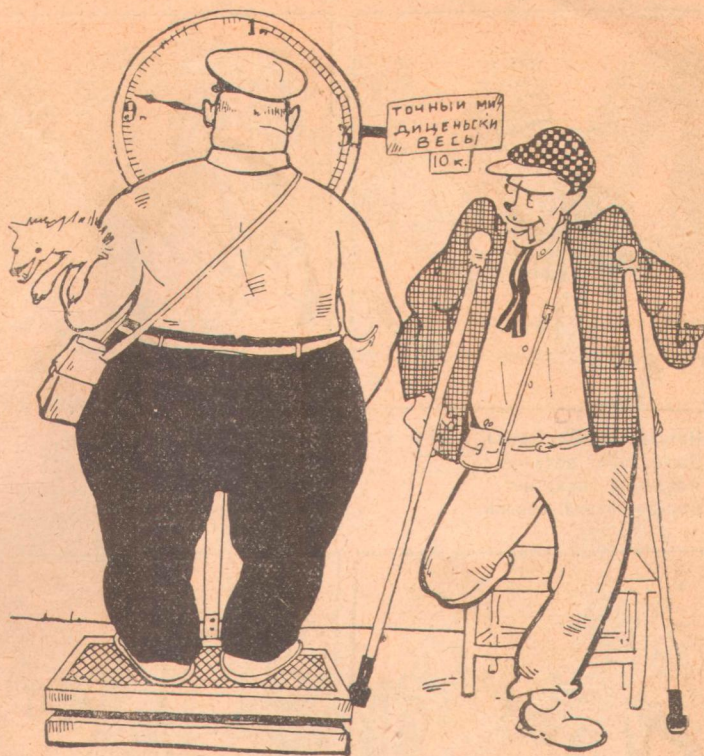
важное, старое, больше в работе, да я-то тут не при чем, — даже не обижает.

— Что-ж, — говорю, — мы не виноваты. Старые станки, как можем. Станок же? А, он, улыбается, что-то задумал. И вдруг заговорил совсем дружелюбно.

— Зачем стесняешься? — говорю. Не стесняйся, товарищ! Скажи мне, как вы достигли успеха в этом короткое время? Не в пропаганде ли тут дело? Или вы на самом деле работали за последние месяц?

И откуда узнал, что в вашем заводе? Или вы загнули, за прелесть взяли, — говорю я себе. А он к товарищу

Искусственный маневр толстяка.

— Вдвоем, гражданин, девять пудов. Ну и здоровая-ж у вас собака...

— Так что следуйте по станку 474, который наименьше браку за месяц. И мы за это непременно, отпустим.

Тут понял я, что не смею он вовсе, а вроде как серьезно думает.

— Что-ж, говорю, работа, действительно, мало. грех.

Он краснеет и уже безотвешенно спрашивает:

— Так почему-ж у вас работа почти нет?

— А потому,—говорю,— я выработал я мало— еще болел, да и станок ломанте валялся.

— Что-ж,—говорит он,— я думал, что ты „качество занимаешь“.—И даже слеза толка глаза течет.

Он кончил он доклада,— работа на смех подняли,— ушел назад в центр. А когда выходил с собрания, как Рябokonь ему крик-

— Шляются тут, которые проезжающие. Путешественники тоже напшились нашу голову!

А премия моя так и пропала.

Владимир Симушенко.

По-своему.

Некто купил в швейпроме необходимую часть своего туалета, так называемые штаны. Надел их, а они—по швам. Взял некто иголку и давай штопать штанишки крепко-накрепко.

— Что вы делаете?—спросили его любопытные граждане.

— Улучшаю, говорит, продукцию швейпрома.

Очень даже любопытные граждане услышали столь остроумному ответу. Ж.

ТОЖЕ „КАЧЕСТВО“.

В ПИВНОЙ.

— Вам боченочное или в бутылках?

— Давай боченочек, к чему двадцать тылок. Ноне борьба за качество, а за количество.

Глаз на Донбасс.

Нач. механ. цеха при Краматорском госзаводе, гр. Граби всячески препятствует введению новых приспособлений, облегчающих работу и улучшающих продукцию. Несмотря на массу жалоб и заявление инж.-техн. секции, что Граби не только не нужен, но и вреден предприятию, ничего не помогает. В чем же секрет?

Кочегарна.

Не трудна сия задача!

Скажем мы наверняка:

Не иначе, как у нача

На заводе есть рука.

Чтоб из'ять потоки жалоб

И умерить Граби прыть,

Для начала не мешало-б

Руку ту укоротить.

КАЙЛО.

МИША НЕТУДЫКИН ДЕЛАЕТ ВКЛАД В НАУКУ.

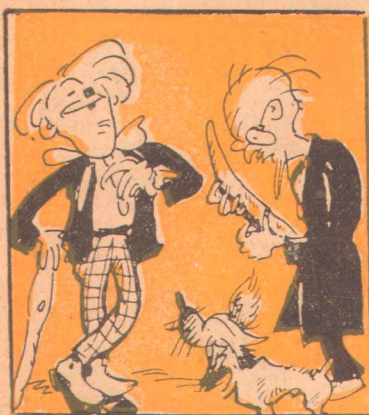
Нетудыкин весь сияет,
Даже ходит веселей:
Академия справляет
Двухсотлетний юбилей.

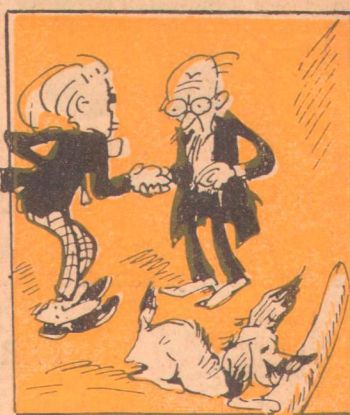
„Я себя лишь не прославил.
Где же мой в науку вклад?!.
Что за чорт столбы расставил
На дороге невпопад?“

Миша выругался кротко.
Вдруг в глазах зажегся свет.
В мозг стучится мысль:
Древний клык... Сто тысяч лет!

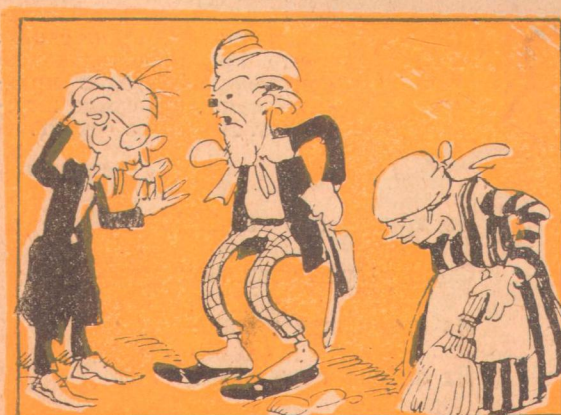
Он—к ученому с визитом.
От восторга весь дрожит:
„Динозаврам—троглодитам
Этот клык принадлежит!“

„Да, открытие огромно!
Поздравляю, юный друг“...
Между тем, весьма нескромно
Пес схватил находку вдруг.

И, в проделках искушений,
Он клыки вонзает в клык.
Нетудыкин и ученый
Испускают громкий крик.

Из-за пса пропали лавры
И на ценный вклад патент.
Но глаза прислуги Мавры
Разобрали все в момент.

„Вы бы, милые, потише,
Это-ж просто колбаса!..
У сконфуженного Миши
Встали дыбом волосы.“

56335